

МЕТОД
ВЕНЩИНЫ
ДЕТЕКТИВНОЙ
КАЛИНЫ
РОМАНОВОЙ

Читайте захватывающие детективные мелодрамы Галины Романовой:

Расплата за наивность	Мода на чужих мужей
Встретимся в другой жизни	Пока смерть не разлучит нас
Я – его алиби	Завтра не наступит никогда
Девушка с секретом	Пять минут между
Блудница поневоле	жизнью и смертью
Неплохо для покойника	Любовь окрыляет
Стервами не рождаются!	Единственная моя
Дожить до утра	С первого взгляда
Крестный папа	Второй подарок судьбы
Ничто не вечно под луной	Зеленые глаза викинга
Миллион причин умереть	Тайна, приносящая смерть
Рыжая-бесстыжая	Цвет мести – алый
Охотники до чужих денег	Не доставайся никому!
Мужей много не бывает	Чужая жена — потемки!
Ты у него одна	Возвращаться – плохая примета
Любитель сладких девочек	Врачебная тайна
Игры в личную жизнь	Призрак другой женщины
Черт из тихого омута	Тайну хранит звезда
Обмани меня красиво	Семь лепестков зла
Старая тайна, новый негодяй	Свидание на небесах
Миллионерша поневоле	Ведьма отмщения
Внимание: неверный муж!	Программа защиты любовниц
В любви брода нет	Кинжал в постели
Последняя ночь с принцем	Гнев влюбленной женщины
Осколки ледяной души	Лучший день в году
Счастье по собственному желанию	Нирвана для чудовища
Любвеобильный джекпот	Незнакомка с тысячько лиц
Длинная тень греха	Последнее прибежище негодяя
Личное дело соблазнительницы	Счастье с третьей попыткой
Большие проблемы	Подвенечный саван
маленькой блондинки	Заклятие счастья
Красотка печального образа	Торговка счастьем
Ночь с роскошной изменницей	Амур с оптической винтовкой
Окно в Париж для двоих	Мсть Спящей красавицы
Лицензия на harpu end	Демон ревности
Черная корона	Преступно счастливая
Рыцарь чужой мечты	Изменница поневоле
Демон искушения	Закон сильной женщины
Грешница в шампанском	Без вины преступница
Принцип Отелло	Плменная птица счастья
Исполнительница темных желаний	Ничего личного, кроме боли
Жизнь нежна	Заговор обреченных
	Узнай меня

ГАЛИНА РОМАНОВА
НЕЗНАКОМКА С ТЫСЯЧЬЮ ЛИЦ

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Оформление серии *К. Гусарева*

Романова, Галина Владимировна.

Р69 Незнакомка с тысячью лиц : [роман] / Галина Романова. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с. — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины).

ISBN 978-5-04-094508-5

Егор Муратов, живущий напротив старинного двухэтажного дома, был твердо уверен, что дом со дня на день снесут, но вдруг там появляются очень странные жильцы. Так как вечерами Егору делать нечего, от скуки он начинает наблюдать за поселившимися в развалюхе людьми и однажды видит, как в комнату одного из них — Академика — является убийца. Разглядеть подробности Егору не удается, но он замечает, что у убийцы рыжие волосы. Такие же волосы у соседки Академика — красавицы Ольги...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Романова Г.В., 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-094508-5

— Если понадобится, ты убьешь их!!! — орал мужчина на парня, стоящего перед ним навытяжку. — Всех!

— Всех??? — ахнул парень, и глаза его наполнились первобытным ужасом. — Всех-всех???

— Всех, я сказал! И мне плевать, как ты это сделаешь, понял?! Ты и так... и так во всем виноват, — закончил мужчина не совсем уверенно.

И неожиданно надолго замолчал.

Он увидел свое отражение в сверкающей чистотой стеклянной дверце книжного шкафа. И собственное отражение показалось ему жалким. Жалким в сравнении с дорогими корешками редких изданий. Жалким в сравнении с той сверкающей чистотой, что царила в его кабинете. Да и высокому крепкому парню, что стоял теперь перед ним с испуганно вытаращенными глазами, он проигрывал. Был он мелковат ростом, полноват в талии и бедрах, качественно лыс и некрасив лицом.

Он был богат, чрезвычайно богат, хотя и не выставлял напоказ своего достатка никогда. Зачем? Плодить вокруг себя зависть? Это очень опасно, очень.

Он мог покупать любовь красивых женщин, но не покупал. Зачем? Это все фальшивка. Он же точно знает, что никто не станет любить его просто так,

без денег. Так стоило ли тратить деньги на ложь?! Это тоже очень опасно, очень.

Его страстью были и оставались чужие тайны! Вот что любил он больше всего, вот чему посвятил свое свободное от зарабатывания денег время. А потом вдруг оказалось, что на чужих тайнах можно запросто зарабатывать. Да еще как! И это сделало его почти счастливым.

Он жил себе, жил, богател, покупал дома, квартиры, катера и был почти доволен своей жизнью, пока однажды дорогу ему не перешел точно такой же, как он, собиратель чужих секретов. Мало того что он обошел его уже трижды, так еще посмел высмеять его на одном из званых вечеров, причем публично!

И он поклялся самому себе и этому высокому парню, что стоял теперь перед ним навытяжку, — единственному, кому доверял, — что обойдет нахала. Да так обойдет, что тот не оправится до окончания лет.

— Но как, разве вы сможете? — усомнился тогда его помощник. — Он крутой! Крутой и неуязвимый.

— Э-э-эх, Паша. — Он потрепал своего помощника по вихрастой башке, потому что тот в то время сидел за рулем, иначе бы не достал. — У любого крутого есть свои грязные тайны. Поверь мне, есть! И эти грязные тайны могут превратить любого неуязвимого и крутого в слизняка. В ничтожество! В пустое место!

— И у вас получится? Ну, в смысле, найти эту тайну?

— Получится, Паша. И я даже знаю, где искать!..

И все складывалось отлично. Просто замечательно все складывалось. Он узнал, что это может быть.

• *Незнакомка с тысячею лиц* •

Узнал, где это может быть. И был уверен в этом почти наверняка. И ему даже отвели время на то, чтобы он действовал по собственному усмотрению. Ему позволили делать так, как ему это было нужно.

И тут бац, хрясь, препятствие!!! Да такое, что и во сне не привидится!

— Геннадий Иванович, но там же дети, — неуверенно качнулся в его сторону большим крепким телом Паша. — Двое пацанов.

— Плевать! Если не сможешь очистить территорию без убийства, убей!!! — И тут же, восстановив дыхание, проворчал: — Нет, конечно. Это я так. Никакой крови, Паша. Но работай уже, работай, Паша...

ШАБА 1

Старый двухэтажный дом, на который выходили окна его квартиры, был полон старых шорохов.

Так ему казалось.

Все в нем трещало, подсвистывало, скрипело. Он, как немощный старик на артроз, жаловался на побитые жуком-короедом стропила, едва выдерживающие обновленную много лет назад кровлю. На старые полы, гуляющие под тяжелой поступью. На глубокие трещины в углах, рвущие шпатлевку и обои в клочья. Дом жаловался на ветер, который бессовестно лез в старые окна с растрескавшимися рамами, позванивал стеклами. Ветер нагло врывался в замочные скважины старых дверей, шевелил портьеры на окнах, а иногда и переворачивал страницы распахнутых книг.

Старый дом устал от своей старости. Устал нести фасадное великолепие прошлого века и потихоньку мстил, отваливая куски красивой лепнины и разрушая лестничные марши.

Так ему казалось.

Когда-нибудь он просто рухнет. Сложится, как карточный, обнажая старый сгнивший остов. И придавит всех, кто зачем-то в нем поселился. Дом был обречен, и все об этом знали. И долго, очень долго,

лет пять или семь, он был необитаем, глаза на улицу черными провалами заколоченных окон. В нем даже бездомные не селились. Почему? Никто не знал. Дом почти не охранялся, хотя и слыл исторической ценностью. Но это казалось ему сомнительным. И дом даже накрывали зеленой сеткой, намереваясь то ли реставрировать, то ли сносить.

Потом вдруг сетку содрали, и он подумал, что скоро будет снос. И заранее морщился, представляя грохот, груды старых надломанных кирпичей, столбы пыли. И даже планировал уехать куда-нибудь на то время, пока станут рушить историческую ценность. Чтобы вернуться уже к огороженной территории, на которой кто-нибудь — предприимчивый — затеет строительство торгового центра или автомобильного сервиса.

Но в доме вдруг появились жильцы. Это было так неожиданно, что он было подумал, что выпил лишнего в ночном клубе. И даже несколько раз закрывал и открывал глаза, когда обнаружил несколько окон светящимися. Но видение не пропадало. В доме в самом деле поселились люди.

Их было немного. На первом этаже слева и справа от центрального входа оказались заняты две комнаты. И три комнаты на втором.

Вообще-то из исторических архивов их города он узнал, что раньше этот дом принадлежал какой-то знати, то ли купцу первой гильдии, то ли князю, или даже кому-то из графского сословия. Точно никто не ведал фамильной принадлежности. Вот не сохранилось ни единого документа в архиве, и все.

После революции дом этот несколько раз менял хозяев и свое назначение. То был складом, то библи-

отекой, то Домом культуры. Это уже после войны, в начале пятидесятых, его громадные комнаты и залы разгородили на коммунальные клетки, подвели коммуникации и заселили. Одновременно в нем могло жить до пятидесяти человек, так уплотнили проживание.

Теперь вот было обитаемо всего ничего.

Слева от входа поселилась пожилая женщина. То ли больная, решил он, то ли сильно пьющая. Она редко вставала с кровати, которую поставила у самого окна и которая великолепно просматривалась через ее незанавешенные окна с его третьего этажа. Когда она вставала, то шаткой походкой двигалась куда-то прочь из комнаты. Отсутствовала, как правило, минут сорок-пятьдесят. А когда возвращалась, походка ее становилась еще более шаткой и неуверенной.

Пьет, решил он через пару недель, не заметив никаких хлопот по дому в плане смены постельного белья или уборки. И назвал женщину Синяк.

Справа от входа поселилась девушка. Молодой она была или не очень, он не мог понять. Но она была одинокой. Очень одинокой! К ней никто не приходил, ее никто не провожал. Утром она вставала почти одновременно с ним. Свет в ее занавешенном окне загорался в ту же минуту, что и в его окнах. Через полчаса свет гас, девушка выходила на крыльцо в клетчатом пальто до колен, в высоких сапогах и с сумкой через плечо. Голову она не покрывала никогда. Даже в лютую непогоду. И он мог наблюдать до самой автобусной остановки, как развеивается на ветру ее рыжая грива.

Возвращалась она почти всегда в одно и то же время — в восемнадцать тридцать. Вспыхивал свет

в ее окнах. Она проходила, не разуваясь, на середину комнаты, где у нее стоял круглый стол, не накрытый скатертью. Ставила на стол покупки, они у нее случались раз в три дня. Садилась к столу и сидела неподвижно долго, иногда очень долго. Потом вставала, подходила к окну и сдвигала портьеры. К слову, портьеры были так себе. Они просвечивались. И он мог наблюдать, когда ему этого хотелось, за жизнью девушки.

Очень скучной жизнью она жила, сделал он вывод через пару недель. После того как занавешивались шторы, девушка раздевалась почти догола. Оставшись в одном белье, она влезала в спортивный костюм, обувала на ноги то ли валенки, то ли войлочные сапоги, куталась в громадную шаль и забивалась в угол широкого дивана, занимавшего большую часть ее комнаты.

Когда она ест? — недоумевал он. Он никогда не видел ее с тарелками. Она что-то пила из чашек, может, чай или кофе, но никогда не ела дома. Даже бутербродов! И просиживала вечера напролет либо перед телевизором, либо с книгой.

Дура и Курица, решил он через месяц, не зная, какое лучше подойдет ей прозвище.

На втором этаже, прямо над квартирой Синяка, жила семья малахольных: отец, мать и двое сыновей-подростков. Они не занавешивались, решив, что с улицы их второй этаж совершенно не просматривается. То, что старый дом был зажат с двух сторон многоэтажками, откуда их жизнь можно было наблюдать как на ладони, их совершенно не заботило. Мать бродила по комнате порой в чем ее родили — это когда детей не было дома. Папаша так вообще даже сыновей не стеснялся.

Жили они шумно, загромождено и суетно. Малахольные, решил он через две недели и перестал смотреть на их окна совсем.

Рядом с их квартирой располагалась квартира Неизвестного. Он по-настоящему интриговал его, ухитрившись ни разу не попасться ему на глаза. В окнах горел свет, предметы переставлялись с места на место: двигались стулья, кресло, появлялась и исчезала посуда со стола, но самого жильца он ни разу не видел. И шторы были, как назло, глухими. Ничего сквозь них не было видно. Ничего! Не то что у Курицы. Неизвестный и на выходе не встретился ему ни разу. Как он попадал в дом и как из него выходил, оставалось для него тайной.

А прямо над квартирой Курицы жил одинокий старик. Вот кто был ему по-настоящему симпатичен. И он даже прозвище ему придумал достойное — Академик!

Просторная комната старика была уставлена книжными полками, забитыми книгами, чертежами, громадными альбомами, которые он вечерами с удовольствием рассматривал. У дальней стены, слева от входа в его комнату, стоял скромный диванчик, накрытый клетчатый пледом. У окна — громадный, как остров, письменный стол. В углу стола стояла настольная лампа под огромным красным абажуром. Рядом лежала лупа в футляре и непременно раскрытая книга. Каждый вечер Академик включал настольную лампу, пододвигал к столу кожаное кресло. Усаживался в него, набросив на плечи клетчатый плед с дивана. Брал в руки книгу и лупу и читал. В середине вечера он мог неожиданно прервать чтение, подойти к стеллажу, выдернуть тубус с чертежами, развернуть их на

столе и подолгу их рассматривать тоже сквозь лупу. Потом чертежи сворачивались, убирались обратно в тубус и на стеллаж. Чтение возобновлялось.

Старик нехитро питался, аккуратно прибирая потом крошки со стола в ладонь, согнутую ковшиком. Часто варил кофе на спиртовке, которая стояла у него на подоконнике.

Окон он никогда не занавешивал, потому что у него не было штор вообще.

Вот и все. Все жильцы, странным образом появившиеся в доме и невольно привлечшие его не занятое ничем внимание...

Телефон!

Он вздрогнул, отвернулся от окна, у которого стоял уже полчаса, посмотрел на аппарат на барной стойке. Телефон звонил восьмой раз за вечер! Кто может ему звонить так часто? Что от него могло быть кому-то нужно? В девять тридцать вечера!

Те люди, которые могли так надоедать ему, вернее, могли осмелиться так надоедать, теперь для него не существовали. Они уехали далеко. И они для него умерли. Навсегда!

Телефон захлебывался в истошном треньканье, не думая замолкать. Егор с сожалением глянул на старинный дом с пятью освещенными окнами, поставил на подоконник широкий стакан со скотчем и пошел к телефону.

Стакан на подоконнике был его хитростью. За ним надлежало вернуться. А вернувшись, он снова станет наблюдать чужую жизнь в старом доме. Стыдно признаться, но с некоторых пор это стало для него небольшим развлечением. Он даже диалоги

придумывал для жильцов, придумывал им истории, неурядицы, проблемы, помогая потом их разрешать.

Может, он сходил с ума от одиночества?

Егор протянул руку к телефону и тут же подумал, что его одинокая жизнь ничуть не хуже одиночества рыжей девицы, забивающейся каждый вечер в угол дивана, как на насест. Курица!

Нет, у него все не так. У него своя фирма, пуская и небольшая и с весьма скромной прибылью, но все же это лучше, чем ничего. У него прекрасная квартира, которую он уже выкупил и обставил по своему вкусу. У него большая черная машина, которую он очень любит и ласково называет Жучок. У него отдых случается два, а то и три раза в году. И еще у него намечаются отношения с красивой девушкой по имени Света.

Нужны ему были эти отношения или нет, он пока не определился. Инициировала их роман Света. Он пока сопротивлялся, но с каждым днем все более вяло и неактивно. И в пятницу, к примеру, они договорились созвониться и сходить куда-нибудь.

Сегодня был вторник.

— Да! — рявкнул он в трубку, намеренно показывая, что раздражен восьмым за вечер звонком.

— Егор... Егор, это я...

Знакомый голос с легкой хрипотцой, который, он искренне надеялся, больше никогда не услышит, прошел его мозг огненной строчкой. В желудке сделалось пусто и холодно, во рту сухо и горько. А сердце — вероломный предатель — тут же восторженно заметалось.

Она позвонила?! Что-то не так с ее безоблачным счастьем?! В чем-то подвел ее любимый?! Не выдер-

жал проверки, не выдержал сравнения с ним — с Егором?!

— Егор?! — поднялась интонация до тревожного вопроса. — Это ты?

— Да, — ответил он, стараясь, чтобы голос не дрожал и не сипел. — Это я, Лена.

— Господи, слава богу! — выдохнула она так, как могла только она одна выдохнуть, когда радовалась, когда любила его. — Я уже подумала, что ошиблась номером. Звоню, звоню весь вечер. Никто не отвечает...

Она замолчала. Он должен был, наверное, сейчас спросить, как ее дела. Или что она хотела. Но он молчал. Он растерялся. Он не знал, как нужно вести себя, если она сейчас снова начнет свои штучки. Она была на них мастерицей, его бывшая девушка Лена, сбежавшая от него с его близким другом, почти что братом. Она могла заговорить сейчас его до обморока и уже к утру оказаться снова в его кровати.

А завтра...

А завтра могла снова сбежать от него с кем-нибудь еще! Ведь если звонит, значит, с Леной у нее ничего не вышло. Так? Тот не оправдал ее ожиданий. Оказался как раз таким, каким он был всегда — бестолковым, бесшабашным повесой. Лена увлеклась, но потом поняла и теперь жаждет вернуться к Егору — верному, надежному, стопроцентно любящему только ее и...

— Егор? Чего ты молчишь?! — с надрывом спросила Лена.

— Лена, это ты позвонила, не помнишь? Тебе, наверное, есть что мне сказать? — неожиданные слова, вырвавшиеся у него, так ему понравились, что он продолжил в том же духе: — Если есть, говори. Мне несколько неловко сейчас беседовать.